

Юлия Скрылёва

# Нас вряд ли когда-нибудь прочтут Работники творческого цеха – ЭКЗОТИЧЕСКИЙ ВИД

**Сергей Арутюнов – о формировании поэта, массовом читателе и православной литературе.**

– Сергей, в 2018 году увидела свет ваша новая, одиннадцатая по счёту, книга стихов «То, что всегда с тобой». Какие эмоции у вас от выхода сборника, от того, как его восприняли читатели?

– Эмоции сдержанные.

Мне передали слова моего друга, поэта Сергея Геворкяна: «Арутюнов клепает и клепает, я так не могу». Думаю, большего книжка и не заслуживает; так ей и надо!

У Сергея первого июня выйдет десятая, с удовольствием её прочту.

– Сегодня усилия, связанные с изданием книги, в разы больше, чем то, что автор получает в итоге. На гонорары рассчитывать не приходится, а вложения, материальные и моральные, колоссальны. Для чего современному поэту выпускать книги?

– Инерция.

Мы выпускаем книги потому, что их выпускали наши старшие товарищи, и баранье старание быть похожими на них делает из нас классических зомби. Давно уже ничего этого не нужно. Мы как нация перестали быть «книжными животными»: не в коней корм...

Выпуск книг, любые вложения в них совершенно бессмысленны. Род представления, которое устраиваешь сам себе. Нас вряд ли когда-нибудь прочтут, хотя тот же Сергей убеждён, что нас читают не на Земле.

Отличный аргумент, максимально религиозный.

– Вы и книги выпускаете, и стихи в социальных сетях размещаете: какой формат больше по душе? В последние годы широко обсуждается тема вытеснения бумажной книги книгой электронной. Что вы думаете об этом?



– Завершив стихотворение, стало привычным тут же выложить его, и тем самым добиться отклика – он, по сути, единственный, другого, помимо рецензий на книжку, которые неизвестно, когда выйдут и выйдут ли, нет.

Видя реакцию, реплики, я всем своим существом чувствую, что – прочтён, и лучшего ощущения никто из нас желать себе не может.

О вытеснении... знаете, прогнозировать здесь что-то попросту глупо. Конфликт жабы с гадюкой безысходен.

Вполне возможно, что рядом с нами, в каких-то андроидных приложениях блаженствует апокалиптически огромный сегмент чисто электронного чтения, состоящий из неведомых нам чудовищ. «Срочно подпишитесь на каналы Адольфа Мышедралова, Гиацинты Крестосжигаловой и Гоф-Микроба». Откуда мы знаем, что ТАМ? Целая Вселенная не адекватных ничему полудурков, в глазах которых мы ничего давным-давно не значим... Сегмент живёт, крутит свою «экономику». Мне, потому что археоптериксов, остаётся внимать полёту юрких электронных птиц. Эволюция!

**– Ваше восприятие действительности сложно назвать оптимистичным. Что помогает человеку вашего, довольно трагического, мироощущения в актуальной реальности, служит точкой опоры?**

– Я рос в период, который стоило бы объявить русским геноцидом. В 1990-е годы власть отреклась от людей, привыкших к государственному содержанию, и стала возвеличивать тех, кто становился «частником», то есть «дойной коровой» для тех же самых властей. Тогда было столько всего переломано, что нельзя и подумать о заживлении тех ран; какие-то из них зарубцевались, какие-то кровоточат до сих пор.

Меня занимает мысль о том, что проговаривание особенно тяжких заклятий, наложенных на наш народ в те годы, показ их последствий способны врачевать, но я, конечно же, трагически ошибаюсь.

Сегодня люди куда охотнее подаются навстречу вовсе не проговариванию: им нравится «юмор», глумливая отрывка тех же 1990-х годов, под которую их грабили. Никто не хочет об этом помнить. Поэтому, наверно, нет ничего страшного в том, что мы будем забыты: на фоне страданий народных наши – просто ничто.

**– Поделитесь впечатлениями о переводческом опыте. Какие сложности подстерегают переводчика поэтического текста? Что привлекает вас в этом жанре?**

– К сожалению, не моя епархия (*улыбается*).

Переводил всегда на свой лад и манер, стараясь лишь соблюсти и авторские установки, и изрядно штампованные представления об общем «национальном складе», но, кажется, ровно никаких высот здесь не достиг.

Чтобы достичь чего-то, нужно действительно быть бешено и страстно влюблённым в переводческое дело. Со своей лексической инвариантностью я вполне могу впасть в нужный тон, но, пробежав результат адаптации, с горечью видишь: некоторые фразы выглядят не больше чем добросовестной стилизацией; вызванными к жизни старанием придать им лоск позапрошлого столетия («классики»).

Для меня здесь возможен только малый коридор возможностей: как прозвучало внутри, так и выйдет. Первый «удар гонга», когда мгновенно выстраивается просодия будущего перевода, и есть удар последний.

Души избирают путь общения сами, и совершенно постмодернистски выглядела бы для меня попытка вторичного подхода к подстрочнику, формирования корпуса многочисленных альтернативных версий. Наверно, это слова непрофессионала...

– Многие ли выпускники Литинститута остаются в профессии или это единичные случаи? Способна ли, по вашему мнению, прокормить такая специальность как «литературный работник»?

– Из выпуска – единицы. Специальность сразу же после выпуска обнаруживает почти полную свою несостоятельность не то что к прокорму, но к обычной социальной жизни.

Сегодня работника следует готовить к жизни в волчьем конкурентном мире, карабкающуюся по вертикальной стене «корпоративной карьеры». Ничего такого, разумеется, в наших учебных программах нет.

Корпоративный климат страны отравлен отчаянием самочинных альпинистов взобраться повыше за счёт других. И западные стандарты, и «собственные наработки» сотворили из нас массу по большей части равнодушную и жестокую собственно к профессионалу. Да мы и не умеем после Литинститута ни «пиар», ни «маркетинг». Значит, и не нужны торгующему всем и вся городу, стране.

Даже в самых маленьких корпорациях к «литрабам» относятся, как к дурачкам, их выгоняют с работы первыми и при первых же сложностях с оплатой труда. У нас нет ни профсоюза, ни лобби в парламенте. Потому и отсутствуют такие нужные нам – оберегающие экзотический вид – федеральные законы о творческих вузах, работниках творческого цеха.

– Вы редактируете портал «Правчтение», посвящённый православной литературе. Что это за явление – православная литература? Возможны ли, по вашему опыту, яркие художественные успехи в этом направлении?

– Современную российскую православную литературу нельзя определить как художественное направление с присущим ему набором стилистических приёмов. Не следует считать православной словесностью те книги, в которых обильно цитируется Евангелие. Дело совсем не в этом.

Оно состоит в том, что тип советского героя, отпраздновав свой триумф воли, ушёл с гуманитарной арены. Памятники ему – Мересьев, Тёркин, краснодонцы – останутся в веках. Но его воля к добру не применима к чаяниям нового века, а торгош и циник героем быть никак не может.

Православная литература только нащупывает путь к новому герою – тому, который был понятен каждому русскому человеку в досоветский период. Разумеется, это святой, но как описать его труд и подвиг с нашим опытом постсоветскости, мало кто знает. У православной литературы ещё достаточно времени, чтобы доказать свою самость, но и не так много: вне ярчайших вспышек она делается служебно-идеологическим жанром, отражением неспособности показать чудо и человеческое, и божественное.

---

## «ЛГ»-досье

**Сергей Сергеевич Арутюнов** родился в 1972 году в Красноярске. Поэт, публицист, руководитель творческого семинара в Литературном институте им. Горького. Главный редактор портала «Правчтение» Издательского совета Русской православной церкви. Автор 11 стихотворных сборников, двух книг публицистики, двух книг прозы и книги поэтических переводов с английского языка, рецензий и статей в федеральной прессе. Лауреат литературных премий, в том числе – им. Бориса Пастернака, премии им. А.А. Ахматовой журнала «Юность», «Серебряного Витязя» Славянского форума искусств «Золотой Витязь» за книгу «Со Христом».